

П.С. Шуралева
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Г.В. Кучумова

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЕЩЬ» В НОВЕЙШЕМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ

Аннотация. В статье исследуется концепт «вещь» в новейшем немецкоязычном романе. В новой социокультурной ситуации «поворота к материальности» (*material turn*) вещь как средство межличностного общения приобретает особую эмоциональную и смысловую наполненность, наделяется критическим и провокационным потенциалом.

Ключевые слова: концепт «вещь», овеществление, власть вещей, Кристиан Крахт, Эльфрида Елинек.

В современном обществе мир вещей представлен широко и разнообразно. Он – неотъемлемая часть человеческого бытия. Помимо использования в чисто практических целях, вещь выступает как средство межличностного общения. Отношения между людьми сегодня все более подвергаются овеществлению, носят отчужденный, лишенный эмоциональности характер. Взаимодействуют не личности, а вещи, которыми обладают люди.

В исследовании концепта «вещь» обратимся к роману швейцарского автора Кристиана Крахта (Kraht, Christian, р.1966) «Faserland» (1995). Жанровая форма (роман-«культурный каталог») основана на обостренном внимании рассказчика к окружающим его вещам. Описание – ведущий тип речи в тексте, а перечисляемые в романе брендовые вещи – ведущий объект описания. Такой феномен называют «психологическим ярлыком», языком, на котором «разговаривает с нами вещь» [1, с. 207]. В романе «Faserland» человеческое общение сведено к минимуму, напротив, окружающие рассказчика вещи много «говорят» о себе и о мире. Это куртка «Барбур», пиджак от Китона, пуловер фирмы «Фэр-Иль», обувь фирмы «Док Мартенс», опиумная лежанка, кроссы «Мефисто», автомобили «Мерседес» и «Порш», часы фирмы «Картье» и другие.

В романе «Faserland» рассказчик определяет тип людей, их эмоциональный рисунок, характер событий настоящих и прошлых исключительно через призму вещей. Так, это единственный критерий для классификации друга Карин Серхио: «*Sergio, das ist so einer, der immer rosa Ralph-Lauren-Hemden tragen muß und dazu eine alte Rolex, und wenn er nicht barfuß wäre, mit hochgekrempten Hosenbeinen, dann würde er Slipper tragen von Alden, das sehe ich sofort*» [5, S.13]. Персонажи романа подробно описываются рассказчиком, их образ жизни и ценностные установки определяются исключительно по фирменной одежде. Сам рассказчик в «китоновском пиджаке» тоже репрезентируется через умение одеваться «прилично», «в классической манере».

В типизации участвуют и другие параметры, например, материал одежды или внешний вид человека. Одни персонажи предпочитают в одежде *trash*, изношенный или неряшливый стиль: «*Eben, als wir über Barbourjacken sprachen, hat sie gesagt, sie wolle sich keine grüne kaufen, weil die blauen schöner aussehen, wenn sie abgewetzt sind. Das glaube ich aber nicht*» [5, S. 14]; «*Seine Pullis haben Löcher, richtige Mottenlöcher sind das schon, und seine Hemden sind nie gebügelt*» [5, S. 41]. Другие персонажи («новые денди») носят одежду классического образца. Их стиль в сравнении с трэш-культурой образует ценностные оппозиции: «изношенное, неряшливое – хорошее, новое, опрятное», «субкультурное, безвкусное – классическое, приличное», «дешевое – дорогое».

В романе Крахта вещи имеют свою социальную коммуникативную среду, образующую некий круг власти вещей. Единственным способом противостоять им в итоге оказывается ирония по отношению к собственному сознанию, к устоявшемуся представлению о необходимости иметь ту или иную вещь.

В романах австрийской писательницы Эльфриды Елинек (*Elfriede Jelinek*, р. 1946) вещь выступает как особый повествовательный код. В образе действия персонажей, лишенных духовных и нравственных ориентиров, постоянно подчеркивается автоматичность, например, в занятиях музыкой: «*wie ein Uhrwerk ticken ihre Finger die Sekunden in die Tasten*» [2, S. 48] или в моменты интимной близости персонажей: «*aber ihre körperkräfte sind automatisch ganz auf heinz konzentriert*» [2, S. 141].

Человек становится пассивным заложником социального уклада, общества и культуры потребления, он овеществляется. Если в связке «человек/вещь» персонажи утрачивают свои человеческие свойства, то окружающие их вещи обретают человеческие черты. Вещи как объекты желаний человека-потребителя овладевают им, наделяются субъектными свойствами. Цитата из романа «Любовницы» («*Die Liebhaberinnen*», 1975): «*die fabrik freut sich trotzdem, wenn frohe menschen sich in sie ergießen, weil solche mehr leisten als unfrohe*» [4, S. 6]. Женщины на фабрике «обслуживают» (*bedienen*) швейные станки, а велосипеды буквально самостоятельно доставляют их домой: «*manchmal am abend fahren die fahrräder ihre besitzerinnen nach hause*» [4, S. 16].

Такая смена позиций в связке «человек/вещь» (перевертыш) является поэтическим способом обозначения «болезни» современного общества. В вещном окружении человек утрачивает себя, попадает под власть вещей или их копий (симулякров). Внутренний мир человека, его эмоциональное состояние находятся в зоне умолчания. Право голоса передается самим вещам, которые дерзко и провокационно внушают человеку ложные ценности или же вещают правду. Так, в романе Елинек «Пианистка» («*Die Klavierspielerin*», 1983) характеристика внутреннего состояния героини проступает исключительно через вещные метафоры, например: «*Der Wanderer geht, doch sie bleibt, wie ein fettiges Butterbrotpapier, auf dem Weg liegen, weht höchstens ein wenig im Wind. Das Papier kann nicht weit fort, es verrottet an Ort und Stelle*» [3, S.46].

Итак, К. Крахт и Э. Елинек, актуализируя в своих романах концепт «вещь», решают проблемный вопрос «конфликта с языком», характерный для литературы постмодернизма, критически описывают современное им общество и культуру потребления через оптику «вещи», создают особый язык вещи, привносят новый эстетический смысл в поэтику вещей.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 268 с.
2. Jelinek E. Die Ausgesperrten. Hamburg: Rowohlt, 2013. 384 S.
3. Jelinek E. Die Klavierspielerin. Hamburg: Rowohlt, 2014. 416 S.
4. Jelinek E. Die Liebhaberinnen. Hamburg: Rowohlt, 2014. 284 S.
5. Kracht Ch. Faserland. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997. 176 S.

А.В. Якимкина
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Г.В. Кучумова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПИЩЕВОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО КОДОВ В РОМАНЕ КРИСТИАНА КРАХТА «ИМПЕРИЯ»

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие пищевого и эстетического кодов в романе К. Крахта «Империя». По-постмодернистски обыгрываются вкусовые пристрастия великих людей, истории которых додумываются и придумываются. В художественном пространстве романа пища из кокоса рассматривается как инструмент поэтического и философского осмысления мира и как средство утопического устройства человеческого общества.

Ключевые слова: пищевой код, эстетический код, семиотический подход, роман «Империя», Кристиан Крахт.

В романе «Империя» (*Imperium*, 2012) швейцарский писатель Кристиан Крахт (*Christian Kracht*, р. 1966) виртуозно соединяет знаки разных семиотических систем. Автор совмещает жанровые коды авантюрного романа, утопического романа, колониальной прозы и культурные коды (визуальный, аудиальный, ольфакторный, тактильный и др.) с медийными (черный юмор, комиксы и т.п.) и кинематографическими приёмами (например, репродуцирования, то есть умножения проекций реальности) [3, с. 102]. В критике роман интерпретируется как «размноженную медиальными средствами империю знаков» [4, с. 293]. В этой «империи знаков» выделим и рассмотрим взаимодействие семиотических кодов, в частности, пищевого и эстетического кодов, совмещение которых, несомненно, рождает новые смысловые слои произведения.